

— **Нина Олеговна, комитет солдатских матерей, вами возглавляемый, возник не по указке сверху?**

— Разумеется, нет. Все началось с того, что более двух лет назад в приемную партии «Яблоко», где я работаю, пришел замечательный человек, настоящий боевой летчик I класса, прошедший Афганистан, — Константин Константинович Клепацкий. Пришел с просьбой добиться справедливости, которой не нашел во многих других инстанциях. Оказывается, ему после указа Президента о надбавках летчикам I класса пересмотрели и снизили пенсию. Человек потерял изрядно в деньгах, но дело даже не в них. Очень обидно боевому летчику получать пенсию, полагающуюся технику, который в небо ни разу не поднимался. И мы, чтобы восстановить ему прежний размер пенсии, работали более полутора лет. Пришлось выходить на самые высокие инстанции, вплоть до Министерства обороны. Хлопоты, в конце концов, увенчались успехом. После этого в приемную «Яблока» стали обращаться многие военнослужащие с самыми разными проблемами. И тогда мы написали заявление в Москву, в комитет солдатских матерей России, с просьбой принять нас в их состав.

— **С какими проблемами к вам чаще обращаются?**

— Все и не перечислишь. Проблемы возникают уже в момент призыва. Был случай, когда призвали мальчика, который месяц назад лежал в стационаре с заболеванием почек. Ему бы полгода реабилитации в нормальных условиях, а его — в армию. Естественно, там он попадает в медсанчасть, а через месяц его вынуждены комиссовать. Чья это ошибка? Считаю, что во многом недорабатывает призывная комиссия Костромы. Это не единственный случай, когда парень после призыва оказывается негодным к военной службе. Понятно, что военкомату надо план выполнять, но не ценой же здоровья солдат! Костромича Юрия Милова признали годным к военной службе с серьезным сердечным заболеванием и гипертонией, а на второй день по прибытии в Белгород его с приступом направляют в больницу. Скорее всего, он тоже будет комиссован.

— **Наши медики считают, что все хотят «откосить»?**

— Тот, кто хочет откосить, тот откосит. Практика показывает, что сыновья самих военнослужащих, которые чином выше майора, в армии не служат. Исключения крайне редки, например, генерал Шпак, сын которого погиб в Чечне. Честный человек, над которым издевается в своих речах Жириновский.

Что касается характера обращений к нам, то нельзя не сказать о чиновничьем духе, процветающем в военкоматах. Обратилась к нам недавно мама солдата, уволенного из рядов армии в 1999 году — он три года не мог получить военный билет. Военкомат посылал парня за ним по месту службы, а там уверяли, что билет давно выслали в Кострому. И лишь после многочисленных наших обращений выяснилось, что документ с 2000 года пылится в бумагах костромского военного комиссариата! А представляете, что такое уволенный в запас без военного билета? Это, по сути, бомж, не имеющий права получить паспорт и нормально жить.

Очень беспокоит ситуация с ребятами, проходящими службу по контракту в Чечне. В наш комитет обращались и матери, и сами солдаты по поводу не получения положенного денежного довольствия. Представляете, солдаты из роты разведки, участники настоящих боевых действий по окончании контракта остаются ни с чем! Их или обворовывают прямо в Чечне (вариантов много — подкарауливают, грабят в поездах, за огромные суммы предлагают вывезти за границу Ингушетии, а по дороге избивают и грабят), или более «изыскан-

чам их на улице, чтоб они собирали в пользу «дедов» милостыню — по сто рублей каждому, покупали для них дорогостоящие сигареты, а для некурящих — сладости. А еще карточки для сотовой связи — полагаю, это уже для офицеров. У меня есть письмо мальчика, где он пишет маме, что больше не может так служить: каждую ночь они обязаны прислуживать «дедам», готовить им вкусную пищу и быть объектами для бития. Наши ребята просят родителей выслать им деньги. Не стоит этого делать! Их у них отбирают. У нас есть жалобы

но: вы — никто и закон — ничто, а мы жили и будем жить по своим корпоративным правилам. Результат? Дима сидит на гауптвахте, порядочный подполковник Медведев, который честно пытался разобраться в случившемся, насколько мне известно, увольняется из части, а так называемый психолог части Косарев, признававшийся мне, что бьет солдат только за дело и беззастенчиво оговаривший Белоусова на суде, повышен в звании. Считаю, что пока дело Белоусова будет рассматриваться под юрисдикцией ракетных войск, зарекомендовавшей себя кромешной корпоративностью и поруганием законности, справедливого приговора ждать не стоит. Но мы будем продолжать

вам наша армия дробильной машиной мальчишеских душ и здоровья?

— Я — дочь, внучка и правнучка военных, конечно же, слова о воинской чести для меня не красивая фраза. Верю, что в Вооруженных силах есть настоящие люди, но надо признать: сама армия очень больна. Для того, чтобы в этом убедиться, не нужно далеко ходить, а провести хотя бы некоторое время у ворот проходной Костромской ракетной части. За восемь месяцев, в течение которых «готовилось» дело Димы Белоусова, нам довелось наблюдать, как офицеры заходят в кафе «Полигон» и в каком состоянии возвращаются в часть. Пьяный офицер позволяет себе забрать у солдата кусок колбасы, кото-

НИНА ТЕРЕХОВА: «НАША АРМИЯ ТЯЖЕЛО БОЛЬНА»

...Какие бы громы и молнии не метали в адрес комитетов солдатских матерей некоторые политики и высокие армейские чины, именно эти комитеты для многих ребят, попавших в трагические переплеты современной службы, становились последней соломинкой и надеждой. Костромскому одноименному комитету всего полтора года, но на его счету немало добрых дел и попросту спасенных судеб. А ведь здесь все на общественных началах, без зарплат и премий.

Почему и зачем женщины вмешиваются в дела армии? Об этом сегодняшний разговор с человеком, чье бесстрашие, бескомпромиссность и работоспособность достойны восхищения. Нина Олеговна Терехова — из рода, где мужчины, начиная с Михайло Потехина, служившего у Ивана Грозного, были причастны к военному делу. Сама она по профессии педагог-биолог. Будучи женой военного немало в свое время поколесила по стране. Вернувшись в Кострому, профессионально занималась проблемами экологии.

даже из военной академии им. Фрунзе, в которой просто-напросто издеваются над ребятами. А это наша знаменитая кузница боевых офицеров... Куда уж дальше-то?

— **Ваши прогнозы о деле Дмитрия Белоусова из ракетной части, о котором наша газета недавно рассказывала?**

— Дима Белоусов — это боль и трагедия, и стыд нашей армии. На честного, справедливого парня, который испытал на себе все «прелести» дедовщины и дал слово, что не допустит среди сослуживцев неуставных отношений, попросту сфабриковали дело. Тот, кто действительно избивал солдата Булатова (а в придачу совершил немало других противозаконных деяний), удивительным образом сухим вышел из воды и даже признан негодным к несению военной службы. А поскольку случай стал известен проверяющим из армии, то на роль «подставы» и «мальчика для битья» был выбран Белоусов. Командир части знал, что у мальчишки нет отца, а мать серьезно больна, потому был уверен, что тот быстренько возьмет на себя чужую вину и согласится на какое-то условное наказание. И этим бы исчерпался весь конфликт. Но Дима, к удивлению, не согласился, а его мама обратилась за помощью, куда могла. Суд приговорил невиновного парня к девяти месяцам заключения в дисциплинарном батальоне. И не за его мифическую «вину» (невооруженным взглядом видны ее белые нитки), а как раз за то, что посмел отстаивать свои права. Диме, ребятам из части, которые его поддерживали, комитету солдатских матерей, да и прессе было показа-

бороться дальше, вплоть до европейского суда по правам человека.

— **Куда, кроме как в комитет солдатских матерей, могут еще обращаться солдаты за помощью?**

— Недавно мне довелось побывать на гражданском форуме в Москве, в рамках которого состоялся «круглый стол», посвященный проблемам армии. Я выступила и задала вопрос: «А кто конкретно отвечает за жизнь, здоровье и судьбу солдата?» Мне сказали: «О! У нас столько структур!» А потом было долгое перечисление «конкретных отвечающих»: сержант, командир взвода, командир роты и т.д. И получается, что «структур» много, а ребята бесправны. И даже прокуратура, которая в первую очередь должна быть заинтересована в соблюдении законности, руководствуется совершенно другими интересами. В данном случае речь о прокуратуре ракетных войск.

— **Нина Олеговна, военные чины на вас, наверное, смотрят как на врага народа?**

— Во все нет. У комитета самые добрые отношения с прокуратурой Костромского гарнизона, мы благодарны всем ее сотрудникам за внимание и отзывчивость к нашей общей работе. Внушает уважение их грамотный, вдумчивый и справедливый подход к делам военнослужащих. Был случай, когда в одну из воинских частей приехала мать солдата, а сын ее оказался жестоко избит сослуживцем. Женщина, конечно, пожаловалась и дело было прокуратурой гарнизона тщательно расследовано. Солдату за неуставные отношения дали срок. Но я была на судебном заседании и видела, что он понял, за что получил наказание и был с ним согласен. И это не случайно, поскольку суд был проведен очень тактично, даже интеллигентно и в соответствии с законом!

Очень уважаю умного, грамотного и толкового командира наших десантников — Владимира Николаевича Лугового. К великому сожалению, на днях в его части случилось страшное происшествие — покончил жизнь самоубийством солдат.

— **Опять дедовщина?**

— Идет расследование, выводы делать рано. Но, насколько известно, мальчик свел счеты с жизнью из-за систематического избивания офицером. Не перенес унижений.

— **Не представляется ли**

для сына. Правда, он может потом извиниться, но от этого ничего не меняется. Солдаты видят, что офицеры пьют прямо в расположении части и в то же время могут запустить в парня табуретом, если покажется, что тот задремал.

А ведь известно, что во всех крайних ситуациях солдат с офицером находятся рядом плечом к плечу. Какие же тут взаимовыручка и взаимопонимание? И разве на зуботычниках и тычках их воспитаешь?

Сейчас наша армия находится на той стадии развития, когда служба в ней неперспективна и неинтересна. И честно говоря, не знаю, чем можно в нее привлечь. И все же приходят молодые ребята, которые действительно хотят служить и защищать свою Родину. Вот только Родина-то им ничего не дает. Речь не о прожженных армейских приспособленцах, которые свои шкурные интересы удовлетворяют любым способом, а о молодых романтиках-офицерах. Представьте: новоиспеченный лейтенант — жилья нет, зарплату не получает, а если женится, то жене негде работать, а ребенок болеет в этих тяжелых условиях. Невольно подумаешь: вот он, героизм. Для того, чтобы реформировать армию, совершенно необходимо полностью переодеть ее в новую форму, как это было сделано недавно. На эти огромные деньги лучше бы что-то в быту лейтенантов поменять.

— **Какие у вас «технологии» по защите ребят?**

— Самые разные. Во-первых, у нас крепкие связи с московско-хельсинской группой, многими российскими правозащитниками и региональными комитетами солдатских матерей. И, конечно же, нам помогают некоторые депутаты Госдумы. А самое главное то, что везде есть хорошие люди.

— **Нина Олеговна, ради чего вы взвалили на себя эту тяжелую ношу?**

— Видите ли, сейчас такая непростая жизнь, вырастить ребенка так сложно, воспитать достойного человека еще сложнее, а погубить так легко! Поэтому я считаю, если из десяти мальчишек мы сможем помочь хотя бы двум, то это уже хорошо. И этим окупаются какие-то нравственные, физические и материальные затраты. Кто-то же должен этим заниматься!

Алевтина Новикова.